

честные и незапятнанные чиновники, и они мало-помалу стали думать, что жалованья нельзя не требовать, а тем более совмещающий с казенной службой занятия учителя Фан Сюань-чо» («Весенний праздник»). Или: «...человек (!) во второй раз замуж выходит, бывает, и поплачет, бывает, скажет, что и смерти искать будет, бывает, что принесут в дом мужа (кого же именно принесут: жену или мужа? — М. К.) — земле и небу поклониться не хочет». «Вот пойдешь ты в приказ (!) в обители мрака, а оба эти мужа... будут препираться за (!) тебя» («Моление о счастье»). «Обе щеки его надулись, точно он рассердился, что такой ее ответ совпадает с его рассуждением... и что она почти вторит ему в голос (!); тогда он отвернул (!) голову и этим дал ей понять, что беседа окончена» («Весенний праздник»). Вэй ездил к матери «на побывку». На побывку, как известно, ездят только военные, а здесь, очевидно, — погостить. «Она резала куриц» (!) («Моление о счастье»).

Примеры, в которых синтаксическая невнятица сочетается с прямой безграмотностью, можно было бы приводить до бесконечности. Таким языком переведены все новеллы.

Нужно удивляться тому, что редакция столь беззаботно подошла к редактированию перевода впервые публикуемых произведений великого китайского писателя.

В обстоятельной статье Эми Сяо дана развернутая характеристика Лу Синя — писателя, революционера, мыслителя и общественного.

Очень содержательна статья сотрудника Института востоковедения т. Шприцина «Лу Синь и вопросы китайского языка и китайской письменности». Автор знакомит нас с реформой китайской письменности и языка, начатой еще в XIX веке передовыми людьми Китая, и с огромной ролью, которую играл Лу Синь в демократизации китайского литературного языка и латинизации китайской письменности. К сожалению, статья написана очень сухим и тяжелым языком.

Сборнику предпослана вступительная статья, но она является в сокращенном виде повторением статьи Сяо. Объем сборника небольшой, — лучше было бы за счет сокращения этой статьи дать больше произведений Лу Синя.

М. Кессель

ФРИЦ ЭРПЕНБЕК «ЭМИГРАНТЫ». Пер. с нем. Жургазобъединение. М. 1938 г. стр. 451

Это книга о прошлом, хотя описываемые в ней события произошли всего пять лет назад. Это первый период немецкой антифашистской эмиграции, ее первый год, период смятения и растерянности слабых, период освоения новых задач для сильных и сознательных. Автор сам отмечает в предисловии, что многого мир еще не знал в тот период, когда роман писался. Еще только начиналось единение антифашистских сил. Тем не менее роман нельзя назвать «устаревшим до появления в свет»: об эмигрантской жизни немцев-антифашистов в художественной литературе Запада можно насчитать лишь несколько новелл и очерков. Советский читатель не знает даже и этих крох. Немецкий народ выдерживает историческое испытание на стойкость не только внутри фашизированной Германии, но и вне ее. До сих пор мы читали романы о тех, кто живет и борется внутри страны; романом Фрица Эрпенбека начинается литература о тех немцах-антифашистах, которые живут и борются в эмиграции.

Три немца тайно переходят чехословацкую

границу — коммунист рабочий Петер Рель, Карл Люринг — старый социал-демократ, рабочий и в недавнем прошлом городской советник какого-то провинциального муниципалитета. Третий — художник Оскар Гундель, эмигрирующий больше из предосторожности: он прежде встречался в различных кафе с лево-настроенными художниками, — других проявлений антифашизма за ним не числится. Петер и Оскар подобрали раненого, больного, с отбитыми почками Люринга на горном перевале и вместе с ним прибыли в Прагу.

Автор ярко и рельефно рисует жизнь немецких эмигрантов. В длинных очередях в коридорах эмигрантского комитета стоят, ожидая помощи и приюта, рабочий-коммунист, профессор теологии — религиозный пацифист, рабочие — социал-демократы, писательница по сексуальным вопросам, беспартийные пролетарии, служащие, художник Оскар Гундель, которого никто не знает и который неизвестно зачем эмигрировал. Главное, что занимает мысли этих людей, что наполняет их бесконечные споры, — это вопрос: «Кто

виноват в происшедшем?» Споры и упреки, начатые в коридоре эмигрантского комитета, продолжаются в эмигрантских столовых и бараках-общежитиях, где смятение, неизвестность, материальные лишения, вынужденное безделье и неорганизованность царят в бараках. Чехословацкие социал-демократы устраивают своих немецких «коллег» в несколько лучших условиях, но требуют за это послушания и изолированности от коммунистов. Карл Люринг не имеет права принять у себя человека, спасшего ему жизнь, — Петера Рель. Люринг — старый социал-демократ, ему трудно нарушить партийную дисциплину, но здесь он не выдерживает, поднимает бунт и в наказание лишается последнего приюта. Больного старика выбрасывают на улицу. Вскоре он умирает.

А коммунист Петер Рель в любых условиях делает привычное для него дело. Его органическое свойство — организаторский талант. Еще не устроившись сам, он устраивает других, дает советы, разрешает конфликты, ободряет слабых, предостерегает неосторожных...

Когда же налаживается связь и партия, ушедшая в подполье, передает свои директивы для эмигрантов, Петер Рель испытывает огромную радость, ощущает невиданный подъем сил, и интенсивность его работы удваивается. В бараках исчезают смятение и растерянность. Петер Рель — живой человек, которому не чужды никакие человеческие порывы, — большая удача автора. Очень удачны также образы молодых коммунистов Ганса, Рут, Инги.

Эмигрантская волна принесла с собой и немало мусора. На организационном собрании

«секции IV интернационала» сидят рядышком: издатель субсидируемой Детердингом газеты антисоветского направления, социал-демократический адвокат, тайный агент полиции, писательница по сексуальным вопросам, выгнанный из СССР политический прохвост Валлерман и художник Оскар Гундель, который вскоре после этого возвращается в «III империю» и становится агентом Гестапо.

В романе есть эпизод с нелегальным радиопередатчиком, который установил в Чехословакии оппозиционно настроенный член «Черного фронта», инженер, названный в романе Дормлериом. Коммунисты помогают ему установить передатчик, они снабжают его разоблачительным материалом для передач, они заботятся о том, чтобы из оппозиционно настроенного фашиста он стал антифашистом. Агенты Гестапо выслеживают и убивают Дормлерию.

Страницы, посвященные «работе» Гестапо за границей, интересны и весьма поучительны. В особенности поучительна история молодого рабочего Вилли Бонцеля, недисциплинированного парня, который чуть было не стал провокатором.

Как ни стараются социал-демократические чиновники препятствовать осуществлению антифашистского Народного фронта — объединение происходит помимо них.

В романе показаны первые шаги Народного фронта.

Книга, быть может, перегружена эпизодами и персонажами, тем не менее советский читатель с интересом прочтет эту содержательную, яркую книгу.

Б. Этингин

КАРЕЛ ЧАПЕК. «ГОРДУБАЛ». Пер. с чешского Ю. Акселя. Госуд. издат. «Художественная литература». Москва, 1937 г.

Вышедшая в Гослитиздате книга К. Чапека «Гордубал» — далеко не последнее по времени произведение писателя. Повесть «Гордубал» написана в 1934 году. Сюжет ее на первый взгляд прост и несложен. Из далекой Америки вернулся в родное село Юрай Гордубал, проработавший ряд лет на чужбине. Он везет с собой заработанные потом и кровью деньги и мечтает о счастливой жизни с женой и дочкой. Но желанный прием ждет его на родине. Жители села не узнают эмигранта, — он для них чужой. Са-

мое страшное все же не в этом. Чужим стал он и для жены своей Поланы за долгие годы разлуки. В собственном доме он не чувствует себя хозяином. Вся деревня судачит о том, что Полана — в связи с батраком Гордубала, молодым Степаном Манья. Тщетно пытается Гордубал найти выход из создавшегося тупика. Силы его богатырского организма изменяют ему, — он заболевает. Однажды утром Гордубала находят мертвым в постели. Но убийство это совершено почти над мертвым: когда наносился удар, тяжело